

УДК 316.7

DOI: 10.17223/1998863X/46/17

А.В. Филькина

ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ НАД НОВЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ДВИЖЕНИЯМИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Анализируется практика законодательного контроля над деятельностью новых религиозных движений (НРД). Кратко обрисована история взаимодействия правовой системы с новорелигиозными группами с момента их появления в 1960-х гг. в США; рассмотрено, каким образом можно использовать концепции из социологии права (Д. Блэка и В. Чамблисса) для выделения факторов, влияющих на динамику процесса законодательного и социального контроля в отношении НРД.

Ключевые слова: социология религии, социология права, новые религиозные движения, правовой контроль.

В данной статье предлагается обзор и анализ определенного методологического фокуса в исследованиях новых религиозных движений (НРД), реализованного в работах Джеймса Ричардсона. Джеймс Ричардсон, профессор социологии и юриспруденции, долгое время возглавлявший магистерские программы по получению степени в правовых исследованиях («Master of Judicial Studies Degree Program») в Университете Невады (г. Рино, США), является одним из наиболее известных в США специалистов в области исследований НРД. Руководитель множества исследований, автор более десяти монографий, работая на стыке двух дисциплин – юриспруденции и социологии, Ричардсон в своих исследованиях правового регулирования деятельности религиозных организаций использует концепции из социологии права, в том числе теорию Дональда Блэка и подход Вильяма Чамблисса. Поскольку данный подход обладает, на мой взгляд, огромным эвристическим потенциалом и в России он мало известен, предлагаю ознакомиться с его основными положениями, а также взглянуть через его призму на историю взаимодействия НРД с законодательными системами в США, европейских странах и России.

1. Исторический экскурс: эволюция способов контроля над НРД в США и Европе

НРД как специфические формы новорелигиозных групп появились в США в 1960-е гг. В качестве социальной реакции фактически сразу же в США стало формироваться и прошло институционализацию движение сопротивления новым религиям – «антикультовое движение». Собственно, именно американское антикультовое движение в различных его формах стало

¹ Материал для статьи набран в ходе выполнения гранта Фулбрайта для молодых преподавателей 2015 г.

основным инициатором попыток законодательного и социального контроля в отношении НРД, сформированные в рамках этого движения идеология и дискурс были позже (в 1970-е гг.) экспортированы в Европу, где также оказали значительное влияние на отношения между правовыми системами различных европейских стран и новорелигиозными группами. Если попытаться кратко обрисовать основной вектор динамики взаимодействия правовой системы в США и Европе с новорелигиозными группами в 1960–1990-е гг., то получается следующая формулировка: смещение от обвинений в «промывке мозгов» к «обвинениям в насилии над детьми» [1. Р. 3].

Когда новые религиозные движения, или «культы», как их называли в СМИ, появились в США в 1960-х гг., они встретили очень негативную реакцию со стороны общества, которая оформилась в контркультовые и антикультовые движения [2. Р. 125]. Разница между контркультовыми и антикультовыми группами заключалась в том, что первые, организованные протестантскими объединениями, критиковали НРД с теологической точки зрения («уводят от истинной веры»), тогда как антикультовые движения, состоявшие изначально из обеспокоенных родственников, сфокусировались на околomedicalном и психологическом дискурсе, предъявив НРД в качестве основной претензии то, что они «вербуют» членов насильственным путем, используя определенные психотехники. Ядром антикультовой идеологии стала концепция «промывки мозгов» – предполагалось, что взрослые люди не могут стать членами новорелигиозных групп и оставаться в них, изменив обычные паттерны поведения, иначе как потому, что над ними совершается «психологическое насилие» якобы через «вводящие в транс техники» – повторение мантр, медитацию, молитвы, глоссолалию в сопровождении различных форм группового контроля – усиленного давления группы, взаимных откровений, «бомбардировки любовью», строгих выматывающих диет, информационного контроля и социальной изоляции. Не имея под собой научных аргументов [3. Р. 103–117], концепция «промывки мозгов» стала весьма действенным инструментом в формировании общественного мнения, а ее лоббисты – антикультовые движения оказали сильное влияние на законодательную политику в отношении НРД не только в США, но и в других странах.

Обвинения в «промывке мозгов» получили широкое распространение в судебной системе США, особенно в 1970–80-е гг. Гражданские суды в США нередко сталкивались с ситуацией, когда бывшие члены НРД пытались взыскать деньги с тех новорелигиозных групп, членами которых они были в недавнем прошлом, выставляя среди прочих обвинения в том, что им там «промывали мозги». Судьи в США до середины 1980-х гг. в таких случаях удовлетворяли иски и вменяли обвиняемым НРД (например, Церкви объединения, обществу «Харе Кришна», сайентологам) многомиллионные штрафы [4]. Обвинения в промывке мозгов также всплывали в тех гражданских судах, в которых рассматриваются семейные дела – например, для отчуждения детей от родителей, входящих в те или иные НРД, по заявлениям, исходящим от обеспокоенных родственников. Нередко родственники членов НРД прибегали к помощи так называемых «депрограмматоров» для извлечения родственника из «культа». Депрограмматоры фактически нарушали закон, похищая людей против их воли и применяя к ним физическое насилие, но, как

правило, похитителей оправдывали в суде, поскольку их защитники апеллировали все к той же парадигме «промывки мозгов», представляя акт похищения и депрограммирования вынужденным меньшим злом по сравнению с попаданием человека в «культ» [5].

В течение примерно тридцати лет в США судьи принимали доказательства, опиравшиеся на идею «промывки мозгов», а в качестве «экспертов» на судебные слушания допускались депрограмматоры [6, 7].

К 1990-м гг. апелляция к концепту «промывки мозгов» перестала в США приниматься судами в качестве аргумента – в силу его признанной необоснованности [8]. В 1990 г. в Калифорнии федеральный судья Фишмэн вынес решение по иску бывшего сайентолога, который подал в суд на Церковь сайентологии и привлек двух известных сторонников теории «промывки мозгов» в качестве экспертов: в ходе разбирательства эти эксперты были отстранены от судебной процедуры, в иске было отказано. Это «решение Фишмэна» было использовано в качестве прецедента Федеральным апелляционным судом округа Колумбии: федеральный окружной суд допустил в качестве эксперта в деле против религиозной организации «Трансцендентальной медитации» одного из сторонников теории «промывки мозгов», который был отстранен в деле Фишмэна, и дело было решено в пользу обвинителей, но в апелляционном суде данное решение было отменено – на основании критики показаний, опиравшихся на теорию «промывки мозгов». Эти ключевые судебные решения поставили точку в использовании аргументации, связанной с теорией «промывки мозгов» в американских судах [1. Р. 10].

С течением времени новые религиозные движения, появившиеся в 1960-е гг. и состоявшие преимущественно из молодых людей среднего класса, «взрослели» по мере того, как выросли их последователи. Члены НРД обзаводились семьями, детьми, их больше занимали вопросы экономического поддержания семьи, образ их жизни становился все более ординарным и респектабельным, а сами НРД – более институционализированными, менее «харизматическими» и более «одомашненными». Этот новый образ жизни сделал их более уязвимыми для новой тактики социального контроля со стороны государства. Новой ахиллесовой пятой новорелигиозных групп стали их семьи; в 1990-х гг. выросло число обвинений в насилии над детьми по отношению к членам новых религий [9. Р. 212]. Причем примечательным явлением стали не обвинения отдельных индивидов и семей в насилии над детьми (такие случаи, к сожалению, случались и случаются вне зависимости от религиозной идентичности), но именно «коллективные обвинения в насилии над детьми», предъявляемые всей новорелигиозной группе в целом.

Социологи Стюарт Райт и Сьюзан Палмер в работе «Штурм Zion» [10] описывают рейды в новорелигиозные общины в Америке, Австралии, Израиле и Западной Европе, понимая под рейдом «вторжение вооруженной дивизии правительственных военных агентов» [10. Р. 4], как правило, в сопровождении государственных чиновников. Эта тактика, которая обычно используется в отношении потенциально опасных и вооруженных преступников, например террористов или торговцев наркотиками, неоднократно применялась и в отношении новорелигиозных общин. В большинстве случа-

ев причинами рейдов стали именно обвинения в насилии над детьми, а также в сексуальном насилии, полигамии, финансовом или медицинском мошенничестве [10. Р. 5], т.е. случаи, которые, по сути, не требовали милитаризованных действий. Помимо известных трагедий с Уэйко и Аум Синреке, известность получила история с изъятием 439 детей из общины ортодоксальных мормонов и помещением их под принудительную опеку Техасскими властями в 1993 г. Позже выяснилось, что обвинение, на основании которого был произведен рейд, было сфабрикованным, дети не подвергались никакому насилию, уровень их образования и психологического самочувствия был нормальным, дети были возвращены родителям – правда, проведя на тот момент несколько месяцев в изоляции от своих семей [11. Р. 19]. Палмер и Райт обнаружили, что было проведено 116 рейдов с 1944 по 2012 г. в 17 различных странах (они искали случаи только в Северной и Южной Америке, Израиле, Австралии и Западной Европе), причем после 2000 г. произошло 35 случаев, так что данная практика отнюдь не исчезла из арсенала правоохранительных органов [10. Р. 6].

Одновременно на протяжении двадцати последних лет (примерно с начала 2000-х гг.) разворачивалась и крепла противоположная тенденция – повышение толерантности правовых систем США и Европы к новорелигиозным группам. Помимо вышеупомянутого решения судебной системы в США не принимать свидетельства против НРД, базирующиеся на концепции «промывки мозгов», эта тенденция проявилась в том, что с определенного момента Европейский суд по правам человека стал рассматривать нарушения 9-й статьи Конвенции о защите прав человека и основных свобод – о свободе религии: до этого момента, несмотря на то, что заявления о нарушении данной статьи подавались, они не рассматривались. В 1993 г. этой инстанцией было зафиксировано первое нарушение религиозной свободы, и с этого момента в нем регулярно рассматривались дела, касающиеся новых религиозных движений [12]. Ричардсон перечисляет следующие ключевые судебные решения, принятые в странах Западной Европы: в 2005 г. конституционный суд Германии признал законность организации Свидетелей Иеговы после пятнадцати лет разбирательств в судах, в 2013 г. Верховный суд Франции удовлетворил просьбу Свидетелей Иеговы о доступе к заключенным проповедников из этой организации, в декабре 2013 г. в деле о том, может ли сайентолог проводить брачную церемонию, Верховный суд Великобритании вынес решение о том, что сайентология является религией [13. Р. 70–71]. Что касается Европейского суда по правам человека, то им, в частности, были рассмотрены жалобы в отношении нарушения 9-й статьи в отношении чрезмерных налогов, которыми облагались, например, Свидетели Иеговы во Франции, а также другие новорелигиозные группы (например, Евангелическая проповедническая церковь); во всех этих случаях были приняты решения в пользу религиозных групп, правительство страны обязывалось выплатить компенсацию за нанесенный ущерб. Таким образом, деятельность Европейского суда последних лет продемонстрировала общую установку евросоюза на защиту свободы религии как свободы существования на территории европейских стран разнообразных новорелигиозных групп и соблюдение прав этих групп.

2. Концепции из социологии права применительно к анализу аспектов правовой регуляции деятельности НРД

Мы рассмотрели фактическую сторону того, как выстраивались взаимоотношения между законодательной системой и новыми религиозными группами с момента их появления. Теперь сосредоточимся на том, как, применяя концепции из социологии права, можно проанализировать этот исторический материал.

Ричардсон в своих работах чаще всего обращается к двум концепциям из социологии права: теории Дональда Блэка и подходу Вильяма Чамблисса. Блэк в ставшей классикой социологии права работе 1976 г. «Поведение закона» [14] исходит из того, что закон, являясь специфическим социальным феноменом – «осуществлением официального социального контроля государством», может рассматриваться как некая зависимая переменная, которая варьируется, во-первых, в объеме, а во-вторых, в стиле реализации. На стиль реализации «локального» закона и то, в каком он осуществляется объеме, влияют особенности социума в целом и характеристики задействованных групп. Блэк указывает на то, что осуществление закона определяют, во-первых, различные характеристики акторов – субъектов, вовлеченных в осуществление закона (представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, людей или групп, становящихся объектами регуляции посредством юридических норм); во-вторых, относительная дистанция между ними, а в-третьих, направление закона (от высших слоев к низшим или наоборот). Всего Блэк выделяет пять типов социальных переменных, влияющих на переменную «закона»: морфология (раса, этничность, статус по рождению, семейное положение акторов – горизонтальный аспект стратификации), стратификация (класс или социоэкономический статус акторов), организация (если одна из сторон – это группа, то важными факторами будут ее структура, организованность, сплоченность), культура (порядочность, благопристойность, уровень образования групп) и социальный контроль (способы, которым люди принуждают других оставаться в определенных рамках без привлечения закона) [15. С. 37–43].

Еще одна концепция, которую Ричардсон адаптирует к анализу факторов, влияющих на законодательство в сфере религии, – это подход Вильяма Чамблисса. Чамблисс рассматривает динамику формирования законодательных актов в рамках конфликтной парадигмы – как постоянный диалектический процесс примерно со следующей механикой: некие противоречия, вытекающие из сложившихся на данный момент политических, экономических, идеологических и социальных отношений, с неизбежностью приводят к конфликтам между группами, имеющими противоположные интересы, которые, в свою очередь, ставят государственный аппарат перед дилеммами, требующими разрешения. Государственному аппарату необходимо выбрать, чьи интересы поддержать или какого рода компромисс заключить – поскольку невозможно удовлетворить интересы всех групп в полной мере, принятое решение неизбежно становится причиной новых противоречий. Таким образом, в фокусе внимания оказывается процесс принятия решений, т.е. создания законов, причем в большей степени Чамблисса интересуют «события-триггеры» (концепт, взятый им из работ социолога Джона Галлахера) – собы-

тия, которые приводят к «продвижению целого ряда связанных между собой законодательных актов» в определенной сфере [16. Р. 241].

Опираясь на подходы Д. Блэка и В. Чамблисса, Ричардсон в своих исследованиях правового регулирования деятельности НРД фокусирует внимание на некоторых ключевых факторах, определяющих направление и интенсивность этого регулирования. Вычленение этих факторов приближает нас к пониманию, почему различные сегменты правовой системы в большинстве стран демонстрировали избирательное поведение в отношении новорелигиозных групп, т.е. почему НРД становились объектом относительно гипертрофированных попыток социального и юридического контроля с момента своего возникновения.

Во-первых, следуя логике Чамблисса, Ричардсон анализирует ключевые группы интересов, в качестве которых в данной сфере выступают сами новорелигиозные группы и антикультовые движения. При этом Ричардсон рассматривает те структурные характеристики акторов, на которых фокусировал внимание Блэк, в частности социальную дистанцию между теми, кто становится объектом судебных разбирательств, и теми, кто инициирует эти судебные разбирательства (переменная стратификации). По Блэку, статус группы определяет ее возможности воздействовать на законодательную систему. Чем выше статус индивида или группы, тем больше вероятность того, что они смогут оказать влияние на конструирование правовой системы и успешно лоббировать свое мнение в рамках этой системы. Свою роль играет также степень индивидуальной, социальной или культурной близости к тем высокостатусным группам, которые способны оказывать значительное влияние на законодательную систему. Эта «степень близости» («intimacy») означает степень личной приближенности к акторам правовых институтов – переменная, которая очевидным образом коррелирует со статусом. В момент своего появления новые религиозные движения являлись группами с очевидно более низким социальным статусом, чем другие религиозные группы. Это было обусловлено тем, что к НРД в эпоху их расцвета (1960–1970-е гг.) примыкали по большей части молодые люди, часто – студенты колледжей, которые к тому же порывали со своим изначальным социальным окружением и перемещались по стране, полностью оторвавшись от своих корней. Таким образом, последователи НРД не обладая высоким статусом и не имея личных близких отношений с влиятельными людьми в данном обществе, не могли сопротивляться «социальному отторжению» и мало что могли противопоставить дискриминирующим попыткам законодательной регуляции в отношении их деятельности. В то же время родители студентов, принимавшие активное участие в деятельности антикультовых групп, зачастую принадлежали к верхнему среднему классу, т.е. обладали, пользуясь термином Бурдье, гораздо большим объемом социального капитала и могли как влиять на точку зрения судей и жюри, так и транслировать свое мнение в СМИ. Такова была ситуация в 1960–1980-х, постепенно некоторые новорелигиозные группы, не распавшиеся в самом начале, стали «взрослеть» по мере того, как выросли их последователи, и наращивать объем социальных связей.

Во-вторых, на то, каким образом функционирует правовая система, имея дело с НРД, влияет социально-культурный контекст в конкретной стране – переменная культуры, по Блэку. В данном случае имеют значение не только

культурные характеристики оппонировавших сторон, но и то, что судьи и другие судебные служащие (а в некоторых странах еще и члены жюри) принимают решения в рамках некоего культурного контекста, определенных ценностей и убеждений, в том числе касающихся религиозных групп, – и эти ценности заставляют их действовать определенным образом (в том числе дискриминирующим, поддерживая религиозную свободу одних групп граждан в ущерб другим) [17. Р. 92] В частности, для описания этого контекста Ричардсоном и его коллегами была использована концепция «моральной паники» [18] – ситуации, когда что-либо, определяемое как социальная проблема, становится фокусом преувеличенного внимания со стороны СМИ, политиков, лидеров мнения, представителей закона и инициативных групп, подающих эту ситуацию как некоторую «природную катастрофу», «стихийное бедствие», причем нагнетание проблемы способствует тому, что у аудитории возникает страх перед ней, диспропорциональный реальной угрозе.

В-третьих, Ричардсон фокусирует внимание на том, что значимым фактором выступают характеристики судебной, законодательной и исполнительной властей. Для начала степень автономности законодательной системы в конкретной стране имеет решающее значение для понимания того, почему «случаи о культах» имеют свою специфику в различных странах в зависимости от того, насколько независима судебная система от других институтов в обществе и, соответственно, насколько реальна возможность верховных и локальных судов принимать решения самостоятельно, не находясь под влиянием политических институтов, военных или просто руководителя государства [19. Р. 407–428]. Очевидно, что в странах, где имеет место относительно низкая степень автономности правовой системы, люди, обладающие высоким статусом, могут либо сами принимать законодательные решения, либо влиять на тех, кто их принимает, а там, где степень автономности высокая, правовая система в большей степени защищена от «прогибов» под мнение элиты.

Кроме того, помимо независимости судебной системы имеет значение исторически сложившееся взаимодействие между тремя ветвями власти и другими институтами в отдельно взятой стране. Ричардсон, опираясь на выводы других исследователей в данной сфере, неоднократно подчеркивает в своих работах, что одна из главных причин, почему антикультовые движения не нашли в американской среде той поддержки со стороны правительства и государственных служб, на которую они могли бы рассчитывать, – это значимость конституционной защиты (в частности, первой поправки к конституции), которая в США распространяется на все религиозные организации и сдерживает правительственные службы от принятия действий против групп, определяемых как религиозные. В Европе ситуация была несколько иной. В некоторых европейских странах (в особенности в Германии, во Франции и в Бельгии) в 1980–2000-х гг. правительство склонно было поддерживать антикультистские организации и достаточно негативно относиться к новорелигиозным группам, причем это делалось по разным причинам [20]. Например, в Германии в конце XX в. имели место тесные связи между антикультовыми группами и правительственными организациями, что во многом было связано с тем, что в Германии всегда существовали сильные связи между Лютеранской церковью Германии и правительством. Лютеранская церковь уполномочила ряд лютеранских священников на роль официальных «Sekten-

beauftragten» – клириков, занимающихся изучением сект. Некоторые из них стали восприниматься в Германии и за ее пределами как «эксперты по культам и сектам», открыто сотрудничающие с антикультовыми движениями в Германии и других странах, включая даже страны бывшего Советского Союза, а следовательно, новорелигиозные группы, входящие в составленные данными «экспертами» списки, рассматривались с точки зрения правительства страны как источник социальной опасности. Во Франции, с учетом существования тесных связей между Католической церковью и правительством, основная антикультовая организация, ADFI (Associations de Defense de la Famille et de l'Individu, «Союз национальных ассоциаций по защите прав человека и окружающей среды»), получала регулярную финансовую поддержку от министерства здоровья на покрытие своих административных расходов, т.е. фактически была включена в правительственную структуру. Большинство новорелигиозных групп были включены в Германии (а также во Франции и в Бельгии) в правительственные черные списки, становясь объектом расследования специальных комиссий и, хотя зачастую по факту не было принято каких-то специальных законов, регулирующих деятельность НРД, многие новорелигиозные группы сталкивались с различного рода системными проблемами: невозможностью найти место для аренды под свои программы в общественных местах, проблемами в отношении своего статуса налогоплательщиков, постоянными предупреждениями от церкви и государственных чиновников [21].

Интересно, что в странах с высокой автономностью судебной системы суд может выступать самостоятельным актором, не только реагирующим на инициативы и запросы других групп интересов, но и влияющим на определение позиции конкретных групп в социуме [22]. Например, решения Европейского суда по правам человека, о которых шла речь выше, повлияли на политику в отношении НРД конкретных европейских стран: в частности, в 2017 г. с приходом к власти нового президента во Франции была пересмотрена политика в отношении НРД; были прекращены проводившиеся в течение длительного времени поддержка и финансирование антикультовой организации FECRIS.

В-четвертых, Ричардсон оценивает роль «третьих партий» во влиянии на динамику взаимоотношений правовой системы и НРД. «Третьи партии» – это термин Блэка [23], обозначающий группы, не являющиеся непосредственными участниками конфликта интересов, но в силу обстоятельств прямо или косвенно поддерживающие одну из сторон. В отношении НРД такими третьими партиями выступили индивиды и группы, которые не были напрямую связаны с НРД, но «были заинтересованы в идеях, проходивших проверку или игнорировавшихся в попытках социального контроля, имевших место в отношении НРД». В частности, такие группы усматривали в действиях против НРД нарушение зафиксированного в конституции США права на свободу выбора религии [1. Р. 12]. Таковыми выступили, например, Американский союз защиты гражданских свобод, а также Национальный совет церквей, озабоченный правом взрослых граждан выбирать религию, критиковавший практику депрограммирования. Ряд других организаций, таких как «Америка за разделение церкви и государства», защищали религиозные права граждан (в том числе право присоединяться к НРД), в некоторых случаях даже высту-

пая на судах против членов НРД. Действия этих «третьих партий» по защите конституционного права на свободу религии привлекли внимание судей и журналистов, сделав американскую судебную систему более восприимчивой к правам и позиции членов НРД.

Ричардсон также указывает на то, что еще одну значимую категорию «третьих партий» в отношении НРД составили академические исследователи – социологи, психологи, историки религии, на протяжении 40 лет выступавшие с критикой идеологии «промывки мозгов» и практики депрограммирования, в том числе в роли экспертов на судебных разбирательствах. И именно их участие привело к тому, что свидетельства, опиравшиеся на эти идеи, перестали приниматься в большинстве судов США. В вышеупомянутом случае, фактически положившем конец использованию аргументов теории «промывки мозгов в суде», – суде над сайентологом, в котором было вынесено «решение Фишмана», выступать экспертом был уполномочен правительством один из наиболее известных социологов, занимающихся изучением НРД, – Дик Энтони [24. Р. 10].

В-пятых, Ричардсон вслед за Чамблиссом большое внимание уделяет «триггерам» – критическим резонансным событиям, которые обнажают всю расстановку сил и служат усилителем уже сложившихся в социальном поле отношений. Многие исследования Ричардсона выполнены через призму такого рода триггеров: исследования ситуации вокруг Уэйко [25], правительственный рейд в общину ортодоксальных мормонов [11], анализ российского судебного разбирательства Г. Якунина против А. Дворкина [26] и т.д.

Таким образом, правовое регулирование деятельности новорелигиозных групп предстает в выполненных в рамках социологии права работах Ричардсона динамическим процессом, определяющимся взаимодействием различных групп акторов (самих новорелигиозных групп, антикультовых организаций, судов, «третьих партий» и т.д.), разворачивающимся в определенном социальном и культурном контексте. Большой интерес представляют также конкретные исследования различных нюансов процесса правового регулирования в США, странах Восточной и Западной Европы, России, Китая и Австралии, проводившиеся Ричардсоном и его коллегами на протяжении нескольких десятков лет.

Заключение

Методология Ричардсона по анализу правового регулирования деятельности религиозных организаций, выстроенная на стыке «социальной геометрии» Д. Блэка и разновидности конфликтной парадигмы В. Чамблисса, позволяет анализировать процесс правового регулирования деятельности новорелигиозных групп в динамике, а также вычленять различные группы факторов, определяющих отношения между государством, новорелигиозными группами и другими группами интересов. Данный инструментарий может оказаться полезным при анализе ситуации в России, где в последние несколько лет можно было наблюдать ужесточение государственной законодательной политики в отношении НРД и подведение новорелигиозных групп под категорию «экстремистских организаций». Причем помимо изучения векторов социального и нормативного контроля новорелигиозных групп, он

предоставляет оптику для описания более общих механизмов правового регулирования в определенном социально-культурном локусе.

Литература

1. *Regulating religion: a sociological and historical introduction* / Richardson J. (ed.) *Regulating religion: case studies from Around the Globe*. New York : Kluwer, 2004. P. 1–22.
2. *Shupe A., Bromley D.* (eds.) *Anti-cult movements in Cross-Cultural Perspective*. New York : Garland, 1994.
3. *Dawson L.* *Comprehending cults: the sociology of new religious movements*. Oxford : Oxford university press, 2006.
4. *Reichert J., Richardson J., Thomas R.* “Brainwashing” : Diffusion of a Questionable Concept in Legal Systems // *International Journal for the Study of New Religions*. 2015. Vol. 6, № 1.
5. *Richardson J., Kilbourne B.* Classical and contemporary applications of brainwashing models: a comparison and critique // *The brainwashing/deprogramming controversy* / eds. D. Bromley, J. Richardson. New York : Edwin Mellen Press, 1983. P. 29–46.
6. *Robbins T., Anthony D., McCarthy J.* Legitimizing repression // *The brainwashing/deprogramming controversy* / eds. D. Bromley, J. Richardson, New York : Edwin Mellen Press, 1983. P. 319–328).
7. *Anthony D.* Religious movements and brainwashing litigation: evaluating key testimony // *In gods we trust* / ed. by T. Robbins and D. Anthony. New Brunswick, NJ: Transaction, 1990. P. 295–344.
8. *Introigne M.* Advocacy, brainwashing theories, and new religious movements // *Religion*. 2014. Vol. 44(2). P. 303–319
9. *Richardson J.* Social control of new religions: from brainwashing claims to child sex abuse accusations // *Children in new religions* / ed. by S. Palmer, Ch. Hardman. Rutger University Press, 1999.
10. *Wright S., Palmer S.* *Storming Zion: Government raids on religious communities*. Oxford : Oxford University Press, 2016.
11. *Wright S., Richardson J.* (eds.) *Saints under Siege*. New York : New York University Press, 2011.
12. *Lykes V., Richardson J.* The European court of human rights, minority religions and new versus original member states // Article, presented at the annual meeting of American Academy of religion. San Francisco, November, 2011.
13. *Richardson J.* The law, the courts, religious freedom, and the evolving pattern of jurisprudence in Western societies // *Cult wars in historical perspective* / Gallagher E.V. (eds). New and minority religions. 2017. P. 69–81.
14. *Black D.* *The behavior of law*. New York : Academic press, Inc, 1976.
15. *Кузнецов Д.* Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики // *Социология власти*. 2015. Т. 27.
16. *Richardson J.* Contradictions, conflicts, dilemmas and temporary resolutions: a sociology of law analysis of Sharia’s in selected western societies // *The sociology of Sharia: case-studies from around the world* / ed. by A. Possamai, J.T. Richardson, B.S. Turner. Springer, 2014.
17. *Richardson J., Introigne M.* New religious movements, countermovements, moral panics, and the media // *Teaching new religious movements*. Oxford : Oxford university press, 2007. P. 91–115.
18. *Ben-Yehuda N.; Goode, Erich.* *Moral panics: the social construction of deviance*. 2nd ed. Oxford : Blackwell, 2009.
19. *Richardson J.* Religion, law and human rights // *Religion, globalization and culture* / ed. by P. Beyer, L. Beaman. Leiden: Boston, 2007. P. 407–428.
20. *Richardson J., Shterin M.* Effects of the Western anti-cult movement on development of laws concerning religions in post-communist Russia // *Journal of Church and State*. 2000. Vol. 42. P. 247–272.
21. *Seiwert H.* The german enquete commission on sects: political conflicts and compromises // *Regulating religion: case studies from Around the Globe* / ed. J. Richardson. New York : Kluwer, 2004. P. 85–101.
22. *Richardson J.* Managing religion: courts as third party partisans in the social construction of religious freedom/17-24 // *Religions and human rights*. 2017. Vol. 133.

23. Black D., Baumgartner M.P. Toward a theory of the third party // The structure of right and wrong / ed. D. Black. New York : Academic press, 1999. P. 95–124.
24. Richardson J. Managing religion and the judicialization of religious freedom // Journal for the scientific study of religion. 2015. Vol. 54, № 1. P. 1–19.
25. Richardson J. Manufacturing consent about Koresh // Armageddon in Waco / ed. by S.A. Wright. University of Chicago press, 1995. P. 153–177.
26. Richardson J., Shterin M. The Yakunin vs Dworkin case: Analysis of a major legal case involving minority religions in Russia // Religion in Eastern Europe. 2002. Vol. 22. P. 1–38.

Alexandra V. Filkina, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: lexia@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 145–156.

DOI: 10.17223/1998863X/46/17

JUDICIAL CONTROL OF THE NEW RELIGIOUS MOVEMENTS: A HISTORICAL OVERVIEW AND A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Keywords: sociology of religion; sociology of law; new religious movements; social control.

The paper is about social control practices over new religious movements (NRMs). Its first part describes the main trend in governmental judicial attempts in control over NRMs: from accusations in “brainwashing” to the “child abuse” allegations. The second part of the paper describes the factors we can find for explaining the evolution of judicial regulations on the NRM activities. Donald Black defines law as a social phenomenon, “governmental social control”, which can be considered as a quantitative variable varying in its amount and type. William Chambliss introduces some sort of a conflict paradigm. James Richardson, combining both approaches, focuses on some key factors that influence the socio-legal control over NRMs. Firstly, following Chambliss, Richardson analyses key groups of interests, such as NRMs and anti-cult movements. He considers actors’ characteristics including social distance between the victim and the offender and other points made by Black. Secondly, he analyses socio-cultural context as a platform for actors’ interaction, speaking particularly about the “moral panic”. Thirdly, Richardson focuses attention on such a crucial factor as characteristics of the legislative, executive and judicial powers, particularly, on the independence of the latter, and their historically shaped interaction in the local country. Fourthly, Richardson estimates the role of “third parties” (Black’s concept) – groups that do not immediately take part in the conflict, but simultaneously support some side in the conflict. A special category of third parties in the situation around NRMs is academic researchers, who have been criticising the ‘brainwashing ideology’ for 40 years appearing as experts in courts. Fifthly, following Chambliss, Richardson considers “triggers” – outstanding events that reveal and enforce already existing social interaction networks.

References

1. Richardson, J. (ed.) (2004) *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. New York: Kluwer. pp. 1–22.
2. Shupe, A. & Bromley, D. (eds) (1994) *Anti-cult Movements in Cross-Cultural Perspective*. New York: Garland.
3. Dawson, L. (2006) *Comprehending cults: the sociology of new religious movements*. Oxford University Press.
4. Reichert, J., Richardson, J. & Thomas, R. (2015) “Brainwashing”: Diffusion of a Questionable Concept in Legal Systems. *International Journal for the Study of New Religions*. 6(1). DOI: 10.1558/ijsnr.v6i1.22186
5. Richardson, J. & Kilbourne, B. (1983) Classical and contemporary applications of brainwashing models: a comparison and critique. In: Bromley, D. & Richardson, J. (eds) *The Brainwashing/Deprogramming Controversy*. New York: Edwin Mellen Press. pp. 29–46.
6. Robbins, T., Anthony, D. & McCarthy, J. (1983) Legitimizing repression. In: Bromley, D. & Richardson, J. (eds) *The Brainwashing/Deprogramming Controversy*. New York: Edwin Mellen Press. pp. 319–328.
7. Anthony, D. (1990) Religious movements and brainwashing litigation: evaluating key testimony. In: Robbins, T. & Anthony, D. (eds) *In Gods We Trust*. New Brunswick, NJ: Transaction. pp. 295–344.

8. Introvigne, M. (2014) Advocacy, brainwashing theories, and new religious movements. *Religion*. 44(2). pp. 303–319. DOI: 10.1080/0048721X.2014.888021
9. Richardson, J. (1999) Social control of new religions: from brainwashing claims to child sex abuse accusations. In: Palmer, S. & Hardman, Ch. (eds) *Children in new religions*. Rutgers University Press.
10. Wright, S. & Palmer, S. (2016) *Storming Zion: Government raids on religious communities*. Oxford University Press.
11. Wright, S. & Richardson, J. (eds) *Saints under Siege*. New York: New York University Press.
12. Lykes, V. & Richardson, J. (2011) *The European court of human rights, minority religions and new versus original member states*. Article, presented at the annual meeting of American Academy of religion. San Francisco, November, 2011.
13. Richardson, J. (2017) The law, the courts, religious freedom, and the evolving pattern of jurisprudence in Western societies. In: Gallagher, E.V. (eds) *Cult Wars in Historical Perspective*. New and Minority Religions. Routledge. pp. 69–81.
14. Black, D. (1976) *The Behavior of Law*. New York: Academic press.
15. Kuznetsov, D. (2015) Donald Black's Concept of 'Behavior of Law': Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 27(2).
16. Richardson, J. (2014) Contradictions, conflicts, dilemmas and temporary resolutions: a sociology of law analysis of Sharia's in selected western societies. In: Possamai, A., Richardson, J.T. & Turner, B.S. (eds) *The Sociology of Sharia: case-studies from around the world*. Springer.
17. Richardson, J. & Introvigne, M. (2007) New religious movements, countermovements, moral panics, and the media. In: Bromley, D. *Teaching new religious movements*. Oxford University Press. pp. 91–115.
18. Ben-Yehuda, N. & Goode, E. (2009) *Moral panics: the social construction of deviance*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.
19. Richardson, J. (2007) Religion, law and human rights. In: Beyer, P. & Beaman, L. (eds) *Religion, globalization and culture*. Leiden: Boston. pp. 407–428.
20. Richardson, J. & Shterin, M. (2000) Effects of the Western anti-cult movement on development of laws concerning religions in post-communist Russia. *Journal of Church and State*. 42. pp. 247–272.
21. Seiwert, H. (2004) The German enquete commission on sects: political conflicts and compromises. In: Richardson, J. (ed.) *Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe*. New York: Kluwer. pp. 85–101.
22. Richardson, J. (2017) Managing religion: courts as third party partisans in the social construction of religious freedom. *Religions and Human Rights*. 133.
23. Black, D. & Baumgartner, M.P. (1999) Toward a theory of the third party. In: Black, D. (ed.) *The Social Structure of Right and Wrong*. New York: Academic press. pp. 95–124.
24. Richardson, J. (2015) Managing religion and the judicialization of religious freedom. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 54(1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/jssr.12172
25. Richardson, J. (1995) Manufacturing consent about Koresh. In: Wright, S.A. (ed.) *Armageddon in Waco*. University of Chicago Press. pp. 153–177.
26. Richardson, J. & Shterin, M. (2002) The Yakunin vs Dworkin case: Analysis of a major legal case involving minority religions in Russia. *Religion in Eastern Europe*. 22. pp. 1–38.